

УДК 811

*Е.А. Булычева***ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ ФУНКЦИИ ГЛАГОЛА В ДИЛОГИИ
Г.К. ПЕРЕВОЩИКОВА «ГОЛОЛЕД»**

В настоящей статье исследуются пространственно-временные функции глагола в дилогии удмуртского писателя Г.К. Перевощикова «Гололед». Мысль о том, что в произведениях художественной литературы время всегда закрепляется в пространственных формах, находит подтверждение в трудах многих отечественных исследователей, прежде всего в теоретических работах М.М. Бахтина. Категория хронотопа, рассматриваемая в лингвистическом аспекте, открывает возможности для более глубокого постижения художественных особенностей творчества писателя и специфики его национального языкового сознания.

Ключевые слова: хронотоп, глагол, феномен, путь, образ дороги, пространство, время, пространственно-временное единство.

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-2-190-197

В настоящее время феномен пространственно-временного единства, названный М.М. Бахтиным хронотоп, не утратил актуальности, напротив, стал одним из наиболее востребованным в научном освоении пространства и времени и продолжает осмысляться и интерпретироваться не только в литературоведении, но и в других областях гуманитарного знания, в том числе в лингвистике. Несмотря на то, что лингвистический аспект изучения темпорально-пространственных отношений остается в центре внимания отечественных и зарубежных ученых на протяжении многих лет, он до сих пор не получил глубокого научного описания и анализа. Дилогия удмуртского писателя Г.К. Перевощикова (1937–2016) «Йовалег» («Гололед», 1997) рассматривается нами в качестве объекта лингвистического исследования проблемы пространства и времени в художественном тексте. В книге писателя представлен образ дороги в традиционном для литературы ракурсе: дорога – это локус, находящийся в постоянном развитии, она подвижна, переменчива, многозначна. Она дарит время для размышлений о настоящем, воскрешает прошлое, дает возможность заглянуть в будущее. При этом угол зрения писателя практически не меняется на протяжении всего повествования: он изображает не просто дорогу, а ее обочину, то пространство, где происходят новые встречи, разворачиваются непредвиденные ситуации и события. Богатство и многообразие глагольных форм, конструирующих пространственно-временные рамки повествования Г.К. Перевощикова, позволяют выявить и изучить такую категорию, как «хронотоп дороги», которая в научной концепции М.М. Бахтина считается весьма значимой составляющей общего понятия «хронотоп», роль которого в художественной литературе неоспорима. Исследование хронотопа дороги посредством анализа функций глагола на материале произведения Г.К. Перевощикова открывает возможности для более глубокого понимания художественных особенностей творчества писателя в целом и приобщает читателя к специфике национального языкового сознания.

Фактически в любом литературном тексте важную роль играет хронотоп дороги, связанный с темами дорожных встреч, знакомств, приключений и т.д. Каждый писатель имеет возможность осмысливать время и пространство по-своему, наделяя их своеобразными характеристиками, которые отражают его мировидение и определяют уникальность художественной системы.

Обладая огромным потенциалом и широкими возможностями, хронотоп дороги в высшей степени полно раскрывает пространственно-временное единство. Наиболее целесообразным способом изучения пространственно-временной организации текста является анализ лексических единиц, которые, как правило, и своим лексическим значением, и синтаксически, и логически выражают пространственные и временные отношения. Очевидно, что с помощью глагола в большей степени, чем другими языковыми средствами, может быть выражена проблема сопряженности пространства и времени. Именно глагол, представляющий собой деятельное (или деятельностное) начало (действие или состояние) и выражающий это значение в грамматических категориях залога, наклонения, времени и т.д., демонстрирует движение в некоем неразрывном отрезке пространственно-временных координат. В художественной речи, как известно, глагол используется прежде всего для передачи движения, для воспроизведения динамики окружающего мира, диалектики жизни. Однако важно по-

нимать, что глагол выражает не только действие, не только перемещение во времени и пространстве внешнего мира, но и внутреннее состояние человека, его мысли, чувства, переживания, то есть его духовную жизнь. Именно в художественном дискурсе находит применение огромный выразительный потенциал глаголов самой разнообразной семантики.

Одна из стилистических функций глагола – придавать динамизм и экспрессивность описаниям – с наибольшей полнотой используется Г. Перевощиковым. Язык его произведений, насыщенный глаголами, с одной стороны, выразительно рисует стремительно разворачивающиеся события, неожиданные повороты в судьбах людей, создает энергию движения, быстротечности времени, придавая напряженность и драматизм жизненным ситуациям. С другой стороны, он наделяет жизненный процесс монотонностью, неторопливостью и размеренностью, наполняет его обыденными событиями, составляющими рутину повседневности. Пространство и время в диалогии Г. Перевощикова оказываются существенными и конкретными, хронотоп дороги наполняется реальным жизненным смыслом, дает возможность широко развернуть полотно жизни удмуртской столицы и провинции, воссоздать быт и нравы людей, передать атмосферу советского времени, а через него – пульс эпохи.

Уже первые строки романа изобилуют глаголами. Так, 10 глаголов в одном предложении словно переносят читателя из одного временного пространства в другое – из цветущего июньского месяца в холодную сырую осень. Казалось бы, ничего не предвещало снегопад среди начинающегося лета: «Нош педлон весь жуштэ, жиетэ, дыбыртэ: шукырес уй пал төл котыр балконъёсысь, липет йыльёсысь кылям корт листьёсын шалтыртэ, кечат-вамат вотсаськем езьёсын, корка йыльёсы чогыр-чогыр урдыльськем антеннаосын шула, дугдыны валасьтэм кезыт зорзэ сузен-сузен борддоръёсы, укное сачыръя, вис карытэк шаугетыса, азбарысь съёдырак изьяськем пинал топольёсты сэзья. <...> Вот июнь, шу...» [10, с. 6] («А на улице всё стонет, визжит, стучит: жуткий северный ветер на всех балконах и крышах в округе колотит оторвавшиеся углы железных листов, ударяясь с перепутанными проводами, с торчащими над домами антеннами, свистит, горстями на стены и окна хлещет не унимающийся дождь, постоянно шумя, на дворе надевшие черные шапки молодых тополей сотрясает <...> Вот, июнь, скажи...»).

Как видно из примера, автор стремится подчеркнуть экспрессивную семантику глаголов, выразительно используя синонимический ряд: стонет, визжит, стучит, колотит, ударяет и др. Звуки разбушевавшейся стихии похожи на стоны и визги животных, вызывают ассоциацию с миром дикой природы: `жуштэ, `жиетэ, `дыбыртэ, `шалтыртэ, `шула, `сачыръя, `сэзья. Выбор глаголов не случаен, он позволяет автору выразить мощь разыгравшихся сил природы и одновременно подчеркивает связь с фольклорными истоками, в которых природа всегда одухотворена, полна жизненной энергии.

Кроме того, данный эпизод можно интерпретировать как некое предупреждение главному герою: резкая смена погоды – знак грядущих в жизни перемен. Прием контраста в описании состояния природы – внезапный переход от тепла наступающего долгожданного лета к похолоданию – раскрывает внутренние переживания героя, предвещает не только неожиданные изменения в судьбе, но и в какой-то мере передает еще неосознанную им самим потребность в них, в динамике жизни, выражает стремительность, быстротечность жизненного потока. Здесь время и пространство смыкаются и существуют как единое целое, перетекая из одного семантического поля в другое.

Яркая сцена непогоды знакомит читателя с главным героем – Романом Овчинниковым. Только что вернувшийся из командировки, уставший и встревоженный, он не может выбросить из памяти страшную сцену, свидетелем которой стал: «Нёд виштыюсын тэчем пияла пыр адзиз: пинал тополь улын курень плащен, гольык йыр, шымыр-кепыр губыртйськем, восьтэтгес пиосмурт сылэ. <...> возьмамтэ шорысь шуш черетскыса, пукыч ньёл кадь пезьдйз но вöзтйз ортчись самосвал улэ зымиз» [10, с. 8–10] («Сквозь утыканное грязными пятнами стекло увидел: под молодым тополем, в коричневом плаще, с непокрытой головой, жалко ссутулившись, худоватый мужчина стоит. <...> неожиданно, безобразно вскрикнув, подобно стреле лука оторвался с места и нырнул под проходящий мимо самосвал»). Пассажиры автобуса узнают в погибшем своего земляка – пожилого учителя Леонтия Макаровича.

Этот трагический эпизод – прыжок человека под колеса самосвала – описывается автором под разными углами зрения и с использованием различных по семантике и функциям групп глаголов и других форм речи. В частности, активизируются глаголы движения («пöсинак луиз» `в жар бросило; «турк! султйз» `резко встал; «автобусысь лобатыны ишкалскиз» `с автобуса стремительно оторвался; «машина улэ тэтчиз» `под машину бросился). Значима здесь и роль глаголов, обозначающих проти-

воположность, разнонаправленность действий («малпанъёссэ куачак уретыса <...> тротуар кузя гонзыртйз» `мысли резко оборвав <...> вдоль тротуара рысцой понесся; «чырккемак сэзьмытскиз ке но, <...> кыштырак дугдйз» `хоть и бодренько убыстрился, <...> копошливо остановился; «синъёсыз чаяк кытчы ке палэнэ вольтчо я кыштырак музэ гылзо» `глаза быстро куда-то в сторону скачут или плавно на землю сползают).

Использованные в описании этого происшествия глаголы подчеркивают, необдуманность, спонтанность поступка персонажа. Он, оказывается, был нетрезв, но не это стало реальной причиной его неожиданного решения свести счеты с жизнью. Целый ряд предшествовавших этой сцене ситуаций (отталкивающие жесты и резкие слова при встрече с продавщицей из магазина), безусловно, повлияли на настроение человека, но нельзя считать их основным поводом для самоубийства: «Кош, кош, ёрмем лул! Дас одигтэк эн ик пыра» [10, с. 11] (Уйди, уйди, надоедливая душа! Раньше одиннадцати часов и не заходи). Очевидно, что автор привлекает внимание к более масштабным, экзистенциальным, проблемам: одиночество человека в мире людей, несвобода в виде алкогольной зависимости, профессиональное выгорание и т.п. Человек не случайно оказался на обочине дороги, можно только предположить (автор не дает подробных объяснений), что в свое время он проявил слабость, сошел с основного жизненного пути и оказался на «дне». Обочина дороги воспринимается как символический образ, то маргинальное пространство, где человек ощущает себя изгоем, и единственно возможным способом спасти себя от одиночества и невостребованности становится для него уход из жизни.

Нельзя не обратить внимание на реакцию наблюдавших за происходящим пассажиров автобуса: мы видим страх, ужас, растерянность в душах людей, они не остаются равнодушными, долго не могут успокоиться. Когда это случилось, одна женщина выкрикнула: «– У, тордо-ос! Кемыз! Озы ик кулэ тынды!» `У алкаш так тебе и надо`. Все посмотрели в её сторону, но никто не сказал и слова. Только пожилая женщина, перекрестившись, произнесла, чтоб Господь помиловал погибшего. И затем, резко повернувшись к говорившей, отреагировала на ее недобрые слова: «Чус ул, сюсетка воштэм!» `Замолчи, продавшая душу дьяволу`. Главный герой также переживает сильное потрясение, на следующий день он даже едет в Игру, чтобы узнать правду о погибшем. Это свидетельствует не только о профессиональном, свойственном журналистам любопытстве, но и о душевной ранимости героя. Дорога формирует его как личность, способствует духовному росту. Мы становимся свидетелями того, что советским людям в большинстве своем была свойственна эмпатия, способность сочувствовать чужой беде.

Данный эпизод характеризуется наличием восклицательных предложений, такая риторика помогает передать неожиданность, внезапность происходящего для всех (в том числе для главного героя) и прежде всего для самого погибшего. Протяжность гласных («лэгасыки-из!» `затопта-ан! «быри-из» `сконча-ался-а) указывает на эмоциональную реакцию, на сильное переживание («адями быриз ук, адями! Сыче-а, тае-а, но адями!» `человек пропал ведь, человек! Такой ли, сякой ли, но человек!). Встречаются диалектные глаголы («латыштыны» `побрести, «чимаськыны» `спрятать лицо руками, «чырккемак» `бодренько, «визгыт» `пронзительный), глаголы-причастия («котмем курег йырсиез <...> урдйськемын, кытйяз нюлэм кадь тят-тят <...> лясиськемын» `как у мокрой курицы волосы <...> оттопырены, иногда как прилизанные тят-тят склеены), фразеологизмы («карнанскиз» `ссутулился (букв. `закоромыслился); «кабзэ эбыльтэм, тютю пи луэм ни» `совсем обмяк, в гусёнка превратился уже) – все эти разнообразные формы речи, включая глаголы и глагольные конструкции, описывающие трагическую сцену самоубийства человека, в полной мере характеризуют и драматизм события, и душевную структуру главного героя, а через них манифестируют позицию автора [10, с. 8–10].

С самого начала повествования становится понятно, что сюжет будет связан с дорогой, что феномен пути определит жанровую специфику произведения. Герои романа – журналист и писатель Роман Петрович Овчинников и его любимая женщина Рина – постоянно перемещаются в пространстве, которое постепенно приобретает символические черты судьбы, формирует образ «улон сюрес» (жизненный путь). Характеры героев наиболее полно раскрываются именно в процессе движения в пространстве и во времени. Роман Петрович по долгу службы, как журналист, часто ездит в командировки. Эти бесконечные поездки не только приучили его к наблюдательности, вниманию к тому, что происходит в дороге, но и сформировали в нем склонность к рефлексии, к осмыслению увиденного в пути, способствовали тем самым его внутреннему росту, духовной эволюции. Для автора дилогии «Гололед» пространство дороги представляется емкой метафорой, несущей в себе традиционную для русской литературы идею самореализации, самосовершенствования.

Вольнолюбивая по своему характеру, всегда стремящаяся к новому Рина также живет в постоянном движении – в поисках, побегах, влюбленностях, разочарованиях и возвращениях. Писатель создает замкнутый хронотоп – несмотря на то, что герои проживают жизнь в пути, в смене мест пребывания, они всегда возвращаются к исходной точке, переживаемые ими жизненные ситуации время от времени повторяются.

Авторская речь наполнена выразительными глаголами, которые отчетливо иллюстрируют драматизм происходящих в жизни героев событий. Примером здесь может служить история любви героя, бесконечный предмет его переживаний, мук, страданий и постоянных размышлений. Герои знакомятся в Ижевске, но отношения не успев завязаться, прерываются: совершенно неожиданно для героя Рина начинает встречаться с другим человеком и, не сумев преодолеть сильное чувство влюбленности, уезжает с ним, в другой город: «синъёме басьтэме уг луы ни, пырак бордаз кыске» («глаза отвести невозможно, к себе тянет»). <...> Сйзыл пал ини Роман тодйз: егит кузпальёс Свердловске кошкыллям» [10, с. 23] («Ближе к осени уже Роман узнал: молодожены уехали в Свердловск»). Казалось бы, обычная житейская драма, банальный «любовный треугольник» – он испытывает к героине сильное влечение, она же страстно влюбляется в другого. После расставания герои часто встречаются, здесь связующим звеном становится их совместная дочь Вера. Герои не способны обрести счастье и гармонию вместе: не нашедшие друг друга изначально «разорванные половинки» постоянно будут оказываться на периферии любовного везения. Город Ижевск как локус первой встречи станет тем местом, где любовная история и завершится.

Как отмечалось выше, автор создает замкнутый хронотоп: Ижевск, Свердловск, Казань, Пермь, Чебоксары, Казахстан, Ижевск... Судьба Рины складывается не совсем удачно, не так, как мечтают юные девушки, постоянные переезды и связанные с этим тревоги усложняют жизнь. То, что для героя является нормой, работой, естественным состоянием, для нее оказывается духовным испытанием. У нее нет своего дома, она постоянно находится в пути, не может долго оставаться в одном месте, поэтому и ее внутренний мир такой же – в постоянном движении, динамике, хаосе. Более того, дорога как будто сама начинает управлять ее жизнью и судьбой: вот она с семьей переезжает в Казань, но муж внезапно умирает, отношения с другим мужчиной не складываются – она становится ненужной, ее выгоняют, выбрасывают из своей жизни, как надоевшую вещь и т. п. Союз Рины с Романом Овчинниковым мог показаться со стороны вполне удачным, однако спокойная и благоустроенная семейная жизнь не делает героиню счастливой. Муж, увлеченный журналистикой, уделяющий много времени общественной работе, отдаляется от нее, и теперь она сама начинает считать себя ненужной. Когда отношения исчерпывают себя, она уходит из семьи. Таким образом, пытаясь вырваться из замкнутого круга, она снова оказывается в дороге. Однако путешествие по жизни через страдания, болезни, осуждающие взгляды знакомых возвращает ее к тому, от чего и от кого она так упорно хотела убежать. Образ дороги, не имеющей ни начала, ни конца, окольцовывается, возвращая нить судьбы к началу и, соответственно, сводя героев воедино.

Дорога выполняет функцию посредника между героями – она и связующее звено, соединяющее их жизненные истории, и разлучница, разводящая их судьбы. Одна из встреч Рины с Романом происходит на железнодорожной станции: «Чыдонтэм ворекаясь бусыостй, йёс кадь кудьырском кызыпу арамаос, ме́ гурезэ пужым ягъёс валлин шумприч дыртыса, поезд Кузонэ вуттйз. Татчы васькисьёсын чёш... Роман Петрович но чук сайкыт омырез гучыктыны дыртйз. Но тамбурысь васькыса о́з быдты – пуксисьёс пёлысь туж тодмо егит нылкышно син шораз йётйз...» [10, с. 36–37] («Мимо живообразно красиво мелькающих полей, аккуратно завившихся берёзовых рощ, сосновых боров на крутых берегах, бойко спеша, поезд доставил в Казань. Вместе со спускающимися здесь (...) Роман Петрович тоже утреннего прохладного воздуха поспешил вдохнуть. Но не успел сойти с тамбура – среди садящихся очень знакомая молодая женщина на глаза попалась»).

Использованный автором глагол «йётйз...» (попалась на глаза) выражает смятение чувств от неожиданности встречи во время спокойного созерцания мелькающих в окне поезда картин природы, населенных пунктов, людей. Заметим, что автор сознательно не употребил более уместный в данном случае (когда пассажир поезда расслабленно и умиротворенно смотрит в окно) глагол «видеть» или «смотреть», а заменил их синонимом «попасться на глаза». Очевидно, что он стремился подчеркнуть внезапность того, что предстало взору героя: «пуксисьёс пёлысь туж тодмо егит нылкышно син шораз йётйз...» `букв.: «среди садящихся очень знакомая молодая женщина на глаза попалась». Обращаем внимание и на тот факт, что в описании данной сцены встречаются и другие глагольные формы

(причастия, отглагольные существительные, деепричастия), обогащающие авторское повествование (кудырском `завившийся, дыртыса `спеша, васькыса `спускаясь, васькысьёс `спускающиеся, пуксись `садящаяся) и вербально расширяющие пространственно-временные границы увиденного героем. За этими грамматическими деталями угадываются непрописанные моменты содержания: и суетливая рутина жизни, и несостоявшиеся судьбы героев, и их душевный разлад и т.п. В данном случае подтверждается мысль А. Ф. Лосева о том, что «синонимический ряд позволяет выявить внутреннюю форму глагола» [12, с. 22].

Пространство дороги в дилогии Перевощикова ограничено передвижениями героев пределами родных мест – Умуртия, Татария, близлежащие регионы. Традиционно направление движения хронотопа дороги связано с тем местом, откуда ты родом, то есть в сторону родного края, родного дома. Именно с такой логикой мы встречаемся в повествовании Перевощикова. Собственная любовь и привязанность к малой родине – части Родины большой переносится писателем на героев: они всегда возвращаются домой. Это воспринимается читателем как патриотический подтекст произведения.

Автор дилогии «Гололед» активно использует фразеологические формы в качестве средства образной характеристики персонажей. Удмуртский язык богат глагольными и отглагольными фразеологизмами, эти грамматические конструкции, неся в себе оттенок разговорной речи, погружают читателя в стихию живого удмуртского языка: «куата пуйы вурьса эн ул» – ` букв.: не шей мешок для обиды (не обижайся); «мупыр вияны» – словно сквозь землю провалиться; «Со ке – шорад мед сялалоз, тон ке – пыдаяз йыбыртъя» (букв.: Если он – на тебя пусть плюёт, если ты – в ноги кланяться; соотв.: «по одной щеке ударили – подставь другую»); «Ма, весь гонэзлы нялтас маяллыса, тэльмырыса пуким ке...» (Что ж, постоянно вдоль шерстки поглаживая, умоляя сидеть если будем); Коткин шоры пуны кадь утэ (букв.: на каждого словно собака лает); «йыраз ик өз вуылы» (и в голову не приходило); «йыраз зэмзэ кеньырез уг тырмы» (правда же, в голове крупы не хватает (малоумный)); «иназ мынйз кадь» (пошел, кажется, впрок); «Кытысь ке инмысь усем» (Откуда-то с неба свалился) и др. [10, с. 134–137, 373, 253–254, 151]. Богатство фразеологизмов не только отличает индивидуальный стиль писателя, но и оказывает влияние на специфику повествования, максимально детализируя портреты персонажей и те ситуации, в которые они попадают, эмоционально украшая и оживляя контекст повествования. Фразеологизмы как важное экспрессивное средство языка в том числе и формируют хронотоп дороги.

В тексте встречаются глаголы понудительного залога, указывающие на влияние извне. Как известно, понудительный глагол действует между двумя субъектами, иницируя деятельность или действие одного другим (тэтчытйз `заставил подпрыгнуть [10, с. 205]; мертчытыны `заставить вонзиться; оскытыны `заставить поверить [10, с. 79]). В примере с Верочкой инициатором действия выступает некая внутренняя сила (пружинаен пезыгытыса `пружиной выброшенная) [10, с. 133]. В удмуртском языке есть категория притворной модальности, которая отсутствует в русском языке. Притворная модальность указывает на мнимость, притворность действия: Роман Овчинников полагал, что Верочка будет только делать вид, что помогает ему на кухне. В данном эпизоде притворная модальность выражена с помощью суффикса -мьяськ: «Верочкаез гинэ адземьяськыса выриз ... утылтэмьяськиз...» (делал вид, что только Верочку видел... делал вид, что ухаживал); «Романлы со-та пöраны юрттэмьяськоз» (Роману-то это сделает вид, что поможет...) [10, с. 71].

По правилам грамматики в рамках одного эпизода повествования недопустима смена временных форм глагола, тем более – в одном предложении. Однако хронотопическая организация художественного текста зачастую позволяет писателям применять контрастные по временным формам глаголы. В романе Перевощикова они встречаются нередко: ширтэ – тэтчытйз `мчится – заставил подпрыгнуть («Нош автобус весь ширтэ, ширтэ. Но тани со, <...> Овчинниковлэсь небыт малпаньёссэ тарканы турттыса выллем, бёрсьысь бёрсе зуркак! зуркак! тэтчытйз» `А автобус всё мчится, мчится, <...>, Овчинникова мягкие думы разрушить стараясь как бы, раз за разом тряско! тряско! (звукоподр.) заставил подпрыгнуть [10, с. 205]); сазьмиз – тупатскын кулэ `пришла в сознание – поправиться должна ([Верочка] «сазьмиз бере, каллен тупатскыны кулэ» `коль пришла в сознание, постепенно поправиться должна); лобатэ – пулсаськиз `летит – раздался («Шунды кадь паляса <...>, чырткем кечпи музэн, пумитаз шумприч лобатэ. Но со виын <...> визгыт ѓажыртэм куара пулсаськиз» `как солнце улыбаясь, <...> словно озорной козлик, навстречу бойко летит. Но в тот миг <...> пронзительный скрипящий звук раздался) [10, с. 219–220].

В одном из текстовых фрагментов происходит чередование прошедшего и настоящего времени, где настоящее время показано без глагола, оно подразумевается: «Соку Рина шуак мыкырскиз, зар бёрдыса черекъясь Верочказэ тач-тач зыгыртйз но... вагон доразы бызиз. Тамбуре тубыса быдтйзы оло өз – поезд вырзиз. Вырзиз но (...) кёняке секунд ортчыса отысь, кыче ке пружинаен пезыгытыса кадь, Верочка палдйз. Палдйз но – дыбыр бубиз доры!» (Тогда Рина резко наклонилась, навзрыд крича на плачущую Верочку крепко-крепко обняла и (...) к вагону побежала. В тамбур подняться успели или нет – поезд тронулся. Тронулся и (...) несколько секунд спустя оттуда, какой-то пружиной выброшенная словно, Верочка отделилась. Отделилась и – дыбыр (звукоподр.) к папе! [10, с. 133]). После череды глаголов в прошедшем времени мыкырскиз – зыгыртйз – бызиз – быдтйзы оло өз – вырзиз – палдйз – появляется звукоподражание «дыбыр», заменяющее глагол, в данном случае обозначающий настоящее время (наклонилась – обняла – побежала – успели или нет – тронулся – отделилась – дыбыр (звукоподр.) к папе!). Автор предпринимает своеобразную игру с временными формами глагола, заменяя прошедшее время настоящим. Такой прием мы зачастую наблюдаем при описании смены времен года или при смене эпизода. Используя глаголы притворной модальности, автор выражает желание героя, его стремление к реализации мыслей.

Важно отметить и следующий факт: в дилогии Перевощикова «Гололед» сильно автобиографическое начало, поэтому текст отличается сугубо авторским видением. Субъективная картина жизненного пути личности, как пишет Н. С. Сергиева в своем диссертационном исследовании, «хранится особым видом памяти, а именно исторической, или автобиографической памятью <...> Время представлено в воспоминании через изменение пространственных отношений и конкретные действия непосредственных участников. Таков хронотоп автобиографической памяти» [11, с. 23]. Кажется, что происходящие в романе Перевощикова события на самом деле с географической точки зрения связаны со знакомыми местами, но это не совсем так. Писатель создает собственную модель мира, чертит собственный путь, рисует свою собственную вселенную. По многим деталям узнаются реалии окружающего писателя мира, например, интерьер редакции журнала, улицы и другие места столицы Удмуртии, а также близкие сердцу места в родном сельском районе и т. п.

Таким образом, можно констатировать, что художественные особенности хронотопа дороги в дилогии Г. К. Перевощикова «Гололед» представлены прежде всего спецификой использования глагола. При помощи данного хронотопа автор вводит в повествование героев, ставит их перед различными испытаниями и опасностями. Дорога помогает выявить как положительные, так и отрицательные черты героев. Хронотоп дороги оказывается одной из тех категорий, которая соединяет различные элементы художественного повествования в единую сложную систему, позволяющую изобразить жизнь Романа Овчинникова не только в контексте своей эпохи, но и в рамках национальной культуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Багдасарян О.Ю. Деревня как «творческий хронотоп» современной прозы // Уральский филологический вестник. 2020. № 1. С. 161–172.
2. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 121–290.
3. Зайцева Т.И., Разина Ю.Н. Художественный мир поэзии и прозы удмуртского детского писателя Г. А. Ходырева. Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2019. 218 с.
4. Караченцева Т.С. Бахтин, хронотоп и две эстетики Канта // Гуманитарные исследования. Humanitates. 2015. Том 1. № 2(2). С. 100–107.
5. Корман Б.О. Избранные труды. Теория литературы / Ред.-сост. Е.А. Подшивалова и др. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2006. 552 с.
6. Корман Б.О. Избранные труды по истории и теории литературы. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1992. 236 с.
7. Корман Б.О. Изучение текста художественного произведения: Для студентов-заочников III–IV курсов факультетов русского языка и литературы педагогических институтов. М.: Просвещение, 1972. 110 с.
8. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Художественное время словесного произведения. Л.: Худож. лит., Ленингр. отд., 1971. 414 с.
9. Лотман Ю.М. Проблема художественного пространства в прозе Гоголя // Избранные статьи (в 3-х т.). Таллин: Александра, 1993. Т. I. С. 413–447.
10. Перевощиков Г.К. Сьюлэмтэм дунне: Романъёс, повестьёс/ Послесловиез П.К. Поздеевлэн. Ижевск: Удмуртия, 1997. 776 б. (на удм.яз.) (Перевощиков Г.К. Жестокосердие: Романы, повести/ Послеслов. П.К. Поздеева. Ижевск: Удмуртия, 1997. 776 с.

11. Сергиева Н.С. Хронотоп жизненного пути в русском языковом сознании: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2010. 43 с.
12. Шараков С.Л. Символическое мирозерцание Ф.М. Достоевского: истоки и развитие: дис. ... докт. филол. наук. Пермь, 2021. 462 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/dissertationnyye-sovety/sharakov/disser-sharakov.pdf> (дата обращения: 22.11.2021).
13. Шкловский В. Повести о прозе. Размышления и разборы. М.: Худож. лит., 1966. 336 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/lihach/text.pdf> (дата обращения: 22.11.2021).

Поступила в редакцию 15.08.2021

Булычева Елена Александровна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры общего и финно-угорского языкознания,
Институт удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)
E-mail: bulychevae@mail.ru

E.A. Bulycheva

THE SPACE-TIME FUNCTIONS OF THE VERB IN THE DILOGY "ICE" BY G.K. PEREVOSHCHIKOV

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-2-190-197

This article examines the space-time functions of the verb in the diology "Ice" written by the Udmurt writer G.K. Perevoshchikov. The idea that the concept of time in literary works is always fixed in spatial forms is supported by many Russian researchers and, can primarily be observed in the theoretical works of M.M. Bakhtin. The category of chronotope, considered in the linguistic aspect, opens up opportunities for a deeper understanding of the artistic features of the writer's work and the specifics of his national linguistic identity.

Keywords: chronotope, road, verb, phenomenon of the road, image of the road, space, time, the unity of space and time.

REFERENCES

1. Bagdasaryan O.Yu. Derevnaya kak «tvorcheskii khronotop» sovremennoi prozy [Village as a "creative chronotope" of modern prose]. // Ural'skii filologicheskii vestnik [Ural philological bulletin]. 2020. № 1. S. 161–172. (In Russian).
2. Bakhtin M.M. Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoi poetike [Forms of time and chronotope in a novel. Reviews of historical poetics] // Voprosy literatury i estetiki [Questions of literature and aesthetics]. М.: Khudozh. lit., 1975. S. 121–290.
3. Zaitseva T.I., Razina Yu.N. Khudozhestvennyi mir poezii i prozy udmurtskogo detskogo pisatelya G.A. Khodyreva [Artistic world of poetry and prose of G. A. Khodyrev, the Udmurt author of books for children]. Izhevsk: Izdatel'skii tsentr «Udmurtskii universitet», 2019. 218 s.
4. Karachentseva T.S. Bakhtin, khronotop i dve estetiki Kanta [Bakhtin, chronotope and two aesthetics of Kant] // Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates [Research in humanities]. 2015. Tom 1. № 2(2). S. 100–107.
5. Korman B.O. Izbrannye trudy. Teoriya literatury [Selected works. Theory of literature] / Red.-sost. E. A. Podshivalova i dr. Izhevsk: Institut komp'yuternykh issledovaniy, 2006. 552 s.
6. Korman B.O. Izbrannye trudy po istorii i teorii literatury [Selected works on history and theory of literature]. Izhevsk: Izd-vo Udm. un-ta, 1992. 236 s.
7. Korman B.O. Izuchenie teksta khudozhestvennogo proizvedeniya: Dlya studentov-zaochnikov III–IV kursov fakul'tetov russkogo yazyka i literatury pedagogicheskikh institutov [Studying texts of poetry and fiction: for 3-5 year students of extramural departments of the Russian language and literature faculties of pedagogical institutes]. М.: Prosveshchenie, 1972. 110 s.
8. Likhachev D.S. Poetika drevnerusskoi literatury. Khudozhestvennoe vremya slovesnogo proizvedeniya [Poetics of Old Russian Literature. Artistic time of a piece of writing]. L.: Khudozh. lit., Leningr. otd., 1971. 414 s.
9. Lotman Yu. M. Problema khudozhestvennogo prostranstva v proze Gogolya [Problem of artistic space in Gogol's prose] // Izbrannye stat'i (v 3-kh t.) [Selected articles (in three volumes)]. Tallin: Aleksandra, 1993. T. I. S. 413–447.
10. Perevoshchikov G.K. Syulemtem dunne: Roman'es, povest'es [Heartless world: novels, stories] / Posleslovie P.K. Pozdeevlen. Izhevsk: Udmurtiya, 1997. 776 b. (na udm.yaz.) (Perevoshchikov G.K. Zhestokoserdie: Romany, povesti / Posleslov. P.K. Pozdeeva. Izhevsk: Udmurtiya, 1997. 776 s.

11. Sergieva N.S. Khronotop zhiznennogo puti v russkom yazykovom soznanii: avtoref. dis. ... d-ra filol. Nauk [Chronotope of life as a road in the perception of Russian world view: abstract of philology doctor thesis]. M., 2010. 43 s.
12. Sharakov S.L. Simvolicheskoe mirosozertsanie F.M. Dostoevskogo: istoki i razvitie: diss. ... d-ra filol. Nauk [Symbolic worldview of F. M. Dostoevsky: philology doctor thesis]. Perm', 2021. 462 s. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/dissertatsionnye-sovety/sharakov/disser-sharakov.pdf> (data obrashcheniya: 22.11.2021).
13. Shklovskii V. Povesti o proze. Razmyshleniya i razbory [Stories about prose. Reflections and analyses]. M.: Khudozh. lit., 1966. 336 s. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/lihach/text.pdf> (data obrashcheniya: 22.11.2021).

Received 15.08.2021

Bulycheva E.A., Candidate of Philology, Associate Professor
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: bulychevae@mail.ru